

П.А. Некрасов

**ВЕРА, ЗНАНИЕ, ОПЫТ*
(ФРАГМЕНТЫ ИЗ КНИГИ)**

Допустим, что Кант в самом деле прав, утверждая, что чистый рассудок предписывает природе некоторые безусловные достоверности или законы а priori. Но таких достоверностей слишком мало; их не хватило бы для жизни мысли, и притом все они суть предверия второго сорта.

Многие необходимейшие достоверности вырабатываются, недешево добываются чистым разумом (т.е. а priori), априорными «законами больших чисел», из обсуждения вероятностей, как возможностей или условных достоверностей. Вот почему надо признать роковой судебную ошибку в «Критике» и «Прологоменах» Канта, который приговорил к незаслуженной казни вероятностную теорию познания.

Достоверности суть предельные ступени вероятности, как переменной величины, имеющей свою графическую шкалу или координату. Иначе говоря, понятие и график вероятности захватывает в своем содержании и обозначении понятие достоверности; последнее же понятие есть лишь маленькая дорогая частица первого понятия.

Математическая теория вероятностей помогла мне установить формулы и графики испытания природы и человеческого общества, бросающие свет в спорные противоположения или антиномии Канта, особенно же в антиномию: «существуют ли свободные причины или, напротив, существует только необходимость, т.е. природа?»

Если допустить мистику свобод или свободных причин, то это допущение должно быть неразлично: 1) с приложением к обществу испытующих мер и графических методов вероятности, т.е. условной достоверности; 2) с основательным народным просвещением и 3) с организацией прочных учреждений правомерия, запасающих на всех путях исторического процесса достаточные основания и средства (кассы сил), способные искупать погрешности свобод за счет их творческой полезности и повертывать колесницу истории в данном положительном направлении.

* Публикуется по: **Некрасов П.А. Вера, знание, опыт. Основной метод общественных и естественных наук (гносеологический и номографический очерк).** СПб., 1912. С. 1–3, 114–116.

Фотография Павла Алексеевича Некрасова (1853–1924) воспроизводится с сайта: <http://nature.web.ru>

Мистика частных свобод, без осмотрительных искупающих и оберегающих учреждений, ведет общество не только к безупречице, но и к парадоксальным и катастрофальным положениям. Эту истину, противоречащую обыденным взглядам на свободу и ее философию, я поясню на примере и на основании теоремы Чебышева о средних величинах, позволяющей установить измерительную шкалу устойчивости и неустойчивости явления благ в результате массовой человеческой деятельности, последовательно развивающейся в ходе исторического процесса. На этой шкале можно отметить те парадоксальные положения, за которыми следует и на самом деле надрывы общественного и частного благосостояния, если не принимать отечественных покровительственных мер права, т.е. исправления погрешностей мистики свобод. Закон Чебышева есть важный член Номографии, он дает понять достаточное основание, нерушимую стену. <...> Под свободами необходим фундамент закона, испытания и правомерия.

Символические исторические лица, вбирающие в себя отечественную мощь путями исторического объединения сил людей, – эти лица в качестве представителей и заместителей отечественной идеи не умирают, хотя физические личные представители неумирающей идеи могут умирать один за другим. Таково бессмертие главы государства: *le roi est mort — vive le roi!* Эта жизненная формула применима не только к верховным символическим лицам, но и к низшим поставленным на должности, привязанные к определенной идее службы отечеству.

Мистика свободы воли на выбор действий нарушает машинообразный порядок исторического кручения и раскрубления событий.

«Наука» безответственной свободы, портящей машину миропорядка, есть наука «отца лжи», или «внутреннего софиста»; она постепенным накоплением (исподтишка) или разительно, но с достоверностью подготавливает парадоксальное и затем катастрофальное положение в данной человеческой среде.

Напротив, наука ответственной свободы, хорошо культивированной, есть человекоискупительная, спасительная наука Отца истинного Света.

Свобода Верховной власти, неограничиваемая *de jure* по природе предельности верха и ограничивает ответственностью подданные свободы. По природе своей Верховная власть ответственна лишь перед Богом.

Верхнему основанию соответствует общее благо и возможность подъема, прогресса для низов, апелляции в случае столкновения частных интересов. Частные индивидуальные права, огражденные законом в нижней инстанции, подчиняются еще раз верховному праву государства, в суждении более объективному или более беспристрастному. Верх есть кров для низов. Выразитель идеи верха, носитель короны, Глава государства, завершает общественность как политический организм.

Устой верха есть устой общего крова. <...>

Население отечества трудится в поте лица и ведет торг плодами труда. Все, что вырабатывает пахарь, могут отнять через торговые фокусы и присоски и через широко открытые двери свобод мировые короли золотого тельца, засевавшие в известных недостижимых мировых центрах (Лондоне, Нью-Йорке, Париже, Берлине, Вене и пр.). В торговую же жизнь отечества, обороняемую снизу и сверху государственно-национальными учреждениями, не могут проникнуть присоски мирового спрута. <...>

Земское *рациональное* высшее обобщение идеи отечества — это госу-

дарство. С этой идеей связана идея общего для всех подданных крова, общей верхней кровельной защиты для земских низов, взаимность между *верхом* и земским *низом*. <...>

Культурная свобода предполагает не только разум индивидуальной самостоятельности и ответственности, но и необходимую общую многоединую кровлю, сверху обосновывающую надежды и достоверности посредством государственных учреждений. Символически этому верху соответствует купол св. Софии.

Защитники же свободы без кровельных могучих учреждений хлопочут не о благе народа, а о том, чтобы достоверно верх упал на низы и лишил их отечественного крова. Такая свобода пропагандируется ложной наукой. <...>

Все учреждения, с их личными силами должны быть построены из устойчивых испытанных элементов и сообразно с требованиями истинной науки и религиозной природы отечества. Тогда сами учреждения сделаются драгоценными школами, все государство сделается жизненной школой, вера и наука сделаются не роскошью, а светочами и советниками по всем жизненным задачам.

П.А. Некрасов

МОСКОВСКАЯ ФИЛОСОФСКО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ШКОЛА И ЕЕ ОСНОВАТЕЛИ* (ФРАГМЕНТЫ ИЗ КНИГИ)

Наука и научно-обоснованная практика стали азбукой и социалграмматикой тех наций и государств, которые как исторические собирательные личности (сложные монады), не желают быть затертыми во взаимном соревновании и, наоборот, желают мужественно и доблестно отстоять в свободно-противоречивом мировом и социальном процессе свое родовое сплоченное бытие и родовое самосознание. <...>

Государство, как исследующая и судящая личность, есть меритель-гносеолог, могущий иметь наиболее изощренные средства мерить и взвешивать личные ценности и политико-экономические интересы и при помощи этих гносеологических средств вести общественную жизнь к сознанным объективным целям нравственного и материального блага. Историческое развитие государства тесно связано с развитием этих средств. *В рационально построенном на началах истинного гуманизма государстве гносеологические функции должны занимать первое место, и им должна соответствовать особая власть, в многообразии прочих властей, принадлежащих государству.* Это власть точного положительного политического познания является как бы живым компасом, направляющим все прочие государственные функции и власти. Эта гносеологическая власть есть как чистое, так и практическое политическое сознание, принадлежащее государству, как собирательному лицу, организующему и объединяющему положительных культурных людей; и если

* Печатается по: Некрасов П.А. *Московская философско-математическая школа и ее основатели*. М., 1904. С. III, 97, 99–100, 106, 133, 136–137, 144, 157–158.